Процессуальный эстоппель как средство обеспечения добросовестности в гражданском судопроизводстве

Парфенова Ольга Александровна
аспирант кафедры гражданского и административного судопроизводства имени М.С. Шакарян Московского государственного юридического университета (МГЮА имени О.Е. Кутафина), olga.parfenova.1997@mail.ru

В статье исследуется процессуальный эстоппель как судебный механизм, посредством которого противоречивое и недобросовестное поведение участника гражданского или арбитражного процесса лишается юридического значения. Обосновывается, что стороны могут поставить вопрос о применении эстоппеля, однако окончательная правовая оценка их поведения и определение процессуальных последствий относятся к исключительной компетенции суда. Показана связь эстоппеля с добросовестностью, задачами своевременного и правильного рассмотрения дела, равноправием и состязательностью сторон. На основе доктринальных подходов и судебной практики анализируются запоздалое представление доказательств, несвоевременное предъявление встречного иска, многократные ходатайства об отложении и поздняя смена процессуальной позиции. Предлагается рассматривать эстоппель не как санкцию за виновное поведение, а как способ нейтрализации правовых последствий процессуально противоречивого поведения. Делается вывод о том, что применение эстоппеля обеспечивает одновременно защиту обоснованных ожиданий добросовестной стороны и публичные задачи правосудия.

Ключевые слова: процессуальный эстоппель, добросовестность, противоречивое поведение, гражданский процесс, арбитражный процесс, судебное усмотрение, состязательность, процессуальная экономия, разумный срок.

Современное гражданское судопроизводство основывается не только на формальном соблюдении процессуальных предписаний, но и на требовании добросовестного осуществления процессуальных прав. Само по себе наличие у стороны предусмотренного законом права еще не означает допустимость любого способа и момента его реализации. Процессуальная форма предназначена для разрешения спора в условиях равноправия, состязательности и предсказуемости; поэтому действия, формально укладывающиеся в текст нормы закона, но направленные на разрушение ее условий, нуждаются в специальной судебной оценке.

Одним из механизмов такой оценки выступает процессуальный эстоппель. В российском правопорядке он пока не получил исчерпывающего нормативного закрепления, однако его функциональные проявления обнаруживаются в законодательстве и судебной практике. Речь идет о ситуациях, когда участник гражданского (арбитражного) процесса после совершения определенных действий, заявления позиции либо создания у другой стороны обоснованного доверия пытается воспользоваться несовместимым с прежним поведением процессуальным преимуществом. Суд, устанавливая противоречивость и недобросовестность поведения, отказывает в признании за ним соответствующего правового эффекта.

Цель настоящей статьи состоит в определении процессуальной роли суда и сторон при применении эстоппеля, выявлении его связи с добросовестностью и задачами судопроизводства, а также в систематизации типичных форм противоречивого поведения, встречающихся в судебной практике. Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системный и сравнительно-аналитический методы.

Субъектный состав отношений, возникающих при применении эстоппеля, целесообразно рассматривать через различие между субъектом властной оценки и субъектом оцениваемого поведения. Суд является активным субъектом: только он вправе установить, что процессуальная позиция или действие стороны противоречат ее прежнему поведению, нарушают добросовестность и потому не должны порождать обычно связываемые с ними последствия. Участники процесса, напротив, выступают субъектами, чье поведение подвергается оценке.

Вместе с тем стороны не являются полностью пассивными. Они могут ссылаться на противоречивость поведения оппонента, приводить факты, подтверждающие сформированное доверие, изменение процессуальной стратегии и риск неблагоприятных последствий. Тем самым участник инициирует рассмотрение вопроса об эстоппеле. Однако такое заявление не связывает суд: оно не создает автоматического запрета для другой стороны и не заменяет судебного установления необходимых обстоятельств.

Подобная конструкция объясняется природой гражданского процессуального правоотношения. Суд является его обязательным и руководящим субъектом, наделенным полномочиями организовать движение дела, обеспечить равноправие участников и давать юридическую квалификацию их действиям [18]. Следовательно, процессуальный эстоппель нельзя понимать как автономное возражение, полностью находящееся в распоряжении стороны. Даже когда вопрос о применении эстоппеля поставлен лицами, участвующими в деле то правовой результат, возникает только вследствие судебного акта.

Данное обстоятельство придает процессуальному эстоппелю публично-правовой аспект. Суд не ограничивается защитой индивидуального интереса стороны, пострадавшей от непоследовательности оппонента. Он одновременно охраняет надлежащий порядок судопроизводства, разумные сроки, равенство процессуальных возможностей сторон. Поэтому отказ учитывать противоречивый довод представляет собой не частную реакцию одной стороны на другую, а результат судебного анализа пределов допустимого процессуального поведения стороны, ее добросовестности.

Вопрос о содержании процессуальной добросовестности остается дискуссионным. Один подход связывает ее прежде всего с направленностью поведения на достижение целей судопроизводства. М.А. Фокина указывает, что действия участника могут считаться добросовестными, если они способствуют осуществлению задач гражданского, арбитражного и административного судопроизводства [1]. При таком понимании внешнее соответствие действия процессуальной норме не является достаточным: необходимо учитывать его реальную функцию в конкретном деле.

Д.В. Данилов развивает функциональное понимание добросовестности, связывая ее с необходимостью и достаточностью действий стороны для достижения целей (задач) гражданского процесса [2]. Этот подход ориентирует суд на ст. 2 ГПК РФ, в силу которой гражданское судопроизводство должно обеспечивать правильное и своевременное рассмотрение и разрешение дел. В арбитражном процессе правильность рассмотрения дела прямо не названа среди задач, однако, как отмечает Г.А. Жилин, она имманентно присуща судебной деятельности [3]. Сходство целей гражданского и арбитражного судопроизводства обусловлено тем, что по своей сущности арбитражный процесс является частью гражданского процессуального права, так как входит в предмет последнего [4].

Иной акцент делает А.В. Юдин, характеризующий недобросовестное поведение как разновидность процессуальной недисциплинированности [5]. Эта категория охватывает не только умышленную попытку получить неправомерное преимущество, но и небрежность, несвоевременность, игнорирование порядка раскрытия позиции и доказательств. Юридическая деятельность предполагает организационный порядок, создающий условия для последовательного совершения процессуальных действий [6]. Поэтому нарушение этого порядка способно причинить процессуальный вред независимо от того, доказан ли субъективный умысел участника.

Подходы ученых-правоведов М.А. Фокиной, Д.В. Данилова и А.В. Юдина не исключают, а дополняют друг друга. Первый подход выявляет целевую направленность добросовестного поведения, второй предлагает оценивать соразмерность и функциональную оправданность процессуальных действий, третий обращает внимание на дисциплинарный аспект участия в деле. Их объединяет отказ от сугубо формального понимания гражданского процессуального права. Добросовестность выражается в таком осуществлении процессуальных прав, исполнении обязанностей и реализации полномочий, которое соответствует назначению судопроизводства, не нарушает установленную последовательность рассмотрения дела, не затрудняет своевременное и правильное разрешение спора судом и не препятствует другим участникам процесса в реализации принадлежащих им процессуальных прав.

А.А. Богомолов связывает процессуальную организацию с обеспечением законности и справедливости судебных постановлений [7]. Г.А. Жилин, в свою очередь, рассматривает правильность судебного решения через совокупность требований справедливости, разумности и целесообразности, подчеркивая особое значение своевременности [8]. Из этих позиций следует, что процессуальная дисциплина не является самостоятельной формальной ценностью. Она служит условием вынесения законного и справедливого решения в разумный срок.

В этом контексте эстоппель не следует отождествлять с процессуальной санкцией. Санкция традиционно предполагает реакцию на правонарушение и может быть связана с виной, наказанием либо дополнительным обременением. Эстоппель действует иначе: он нейтрализует конкретный правовой эффект поведения, несовместимого с ранее занятой позицией или созданным доверием. Суд не наказывает участника, а отказывает ему в возможности извлечь процессуальное преимущество из собственной непоследовательности.

Для ограничения процессуального права недостаточно общей ссылки на несправедливость поведения. Судебная оценка должна опираться на проверяемые обстоятельства, иначе эстоппель рискует превратиться в неопределенную оговорку, чрезмерно расширяющую судебное усмотрение. Полезную модель предлагает концепция «фильтра процессуальной добросовестности», включающего критерии честности, экономичности, активности и заинтересованности [12].

Применительно к эстоппелю центральное значение имеет критерий честности, выраженный в последовательности процессуального поведения. Однако одной формальной несовместимости двух высказываний недостаточно для его применения. Изменение позиции может быть обусловлено представлением новых доказательств, уточнением фактических обстоятельств либо обоснованным пересмотром юридической оценки спорных правоотношений.

Поэтому применение эстоппеля предполагает установление судом того, что другая сторона обоснованно полагалась на первоначально занятую процессуальную позицию, а ее последующее изменение ухудшило процессуальное положение этой стороны либо затруднило своевременное и правильное рассмотрение дела.

Критерий экономичности позволяет определить, ведет ли спорное действие к неоправданному повторению уже совершенных процессуальных действий, отложению разбирательства или необходимости начинать исследование значимой части дела заново. Критерий активности показывает, раскрывала ли сторона свою позицию в разумный срок либо сохраняла «процессуальное средство» до момента, когда его использование создавало максимальные затруднения. Критерий заинтересованности помогает отличить реальную защиту права от имитации участия, направленной исключительно на затягивание процесса.

На основании указанных критериев можно выделить совокупность обстоятельств, подлежащих установлению судом: наличие первоначальной процессуальной позиции или определённой модели поведения; противоречие последующего поведения ранее занятой позиции; отсутствие объективных причин, объясняющих её изменение; возникновение у другой стороны обоснованного доверия к первоначальной позиции; наступление для неё неблагоприятных процессуальных последствий; обоснованность применения эстоппеля с учётом обстоятельств конкретного дела. Установление этих обстоятельств позволяет разграничить недобросовестное противоречивое поведение и допустимое изменение стороной своей процессуальной позиции.

Одной из наиболее сложных сфер применения рассматриваемого явления является несвоевременное представление доказательств. В судебной практике выявляется значительное число дел, в которых документы и иные доказательства предъявлялись на завершающей стадии

разбирательства без объяснения причин задержки [9]. Подобное поведение отрицательно сказывается на реализации принципа процессуального равноправия сторон, установлении обстоятельств, имеющих значение для дела, и своевременности его рассмотрения.

Показательна ситуация, описанная М.З. Шварцем: ответчик по иску о взыскании арендной платы представил документы об оплате лишь в последнем заседании, когда рассмотрение дела фактически подходило к завершению [10]. Отказ принять документы способен привести к решению, не соответствующему действительным отношениям сторон; их безусловное принятие, напротив, ставит истца в заведомо неблагоприятное положение и поощряет сокрытие доказательств. Эта дилемма демонстрирует, почему эстоппель нельзя применять механически.

Решающим должно быть не само по себе позднее представление доказательства, а совокупность обстоятельств. Суду следует выяснить, когда сторона получила документ, могла ли представить его ранее, сообщала ли о его существовании, каким образом задержка влияет на возможность оппонента подготовить возражения и можно ли устранить негативные последствия менее строгими средствами. Эстоппель может быть применён, если представленное стороной доказательство противоречит её первоначальной процессуальной позиции, такое противоречие не имеет объективного объяснения, а позднее представление доказательства ограничивает возможность другой стороны своевременно ознакомиться с ним и представить мотивированные возражения.

По нашему мнению, пресечение недобросовестного процессуального поведения не должно автоматически влечь отказ в принятии представленного стороной доказательства. В зависимости от обстоятельств дела суд может предоставить другой стороне время для ознакомления с доказательством и подготовки возражений, отложить судебное заседание, учесть поведение стороны при распределении судебных расходов, а при наличии предусмотренных законом оснований — отказать в удовлетворении ходатайства о приобщении доказательства. Выявленная противоречивость позиции также может учитываться судом при оценке доказательств в их совокупности. Таким образом, эстоппель определяет общий подход к оценке непоследовательного процессуального поведения, тогда как конкретное процессуальное последствие должно избираться с учётом обстоятельств дела и не препятствовать его правильному разрешению.

Другим типичным проявлением процессуальной непоследовательности является предъявление встречного иска на завершающей стадии рассмотрения дела. В постановлении Арбитражного суда Поволжского округа от 8 августа 2022 г. по делу № А12-29372/2021 возврат встречного иска признан правомерным, поскольку ответчик не обосновал невозможность его более раннего предъявления, а рассмотрение новых требований привело бы к затягиванию процесса.

Само право на предъявление встречного иска не ограничивается обязанностью реализовать его немедленно после получения первоначального иска. Однако сторона, длительное время участвующая в рассмотрении дела и раскрывающая защитную позицию без упоминания самостоятельных требований, формирует у суда и оппонента обоснованное представление о пределах спора. Резкое расширение предмета разбирательства непосредственно перед вынесением решения без объективных причин нарушает установленный порядок и может свидетельствовать об использовании права вопреки его процессуальному назначению.

Близкую природу имеют многократные ходатайства об отложении судебного заседания при отсутствии уважительных причин и без представления позиции по существу спора. В подобных ситуациях сторона формально пользуется предусмотренным законом правом на заявление ходатайств, но фактически уклоняется от участия в разрешении спора.

Применение эстоппеля здесь выражается в отказе придавать юридическое значение очередному ходатайству, основанному на обстоятельствах, которые участник мог своевременно раскрыть. Такое решение не лишает сторону права на судебную защиту, поскольку ей была предоставлена реальная возможность изложить позицию. Ограничивается лишь возможность бесконечно воспроизводить процессуальные препятствия и извлекать выгоду из собственной пассивности.

Наиболее очевидной причиной применения процессуального эстоппеля является поздняя ссылка на обстоятельство, несовместимое с предшествующим поведением стороны. Пункт 28 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства», предусматривает, что возражение о несоблюдении обязательного досудебного порядка должно быть заявлено не позднее представления первых ходатайств по существу спора. Более позднее заявление может быть отклонено как противоречивое.

Такой подход применен Арбитражным судом Северо-Западного округа в постановлении от 26 ноября 2018 г. по делу № А52-4002/2017. Ответчик участвовал в рассмотрении спора по существу и только в апелляционной инстанции сослался на несоблюдение истцом досудебного порядка. Суд отказал в учете данного довода, указав, что подобное поведение противоречит ранее проявленной позиции и свидетельствует о недобросовестности и не давало истцу оснований ожидать возникновения соответствующего возражения [11].

В подобных случаях эстоппель защищает не только доверие оппонента, но и стабильность процессуальной формы. Требование о досудебном урегулировании предназначено для предотвращения преждевременного обращения в суд, а не для аннулирования уже состоявшегося разбирательства после того, как сторона добровольно вступила в спор по существу. Позднее возражение утрачивает связь с назначением нормы и превращается в тактическое средство отмены неблагоприятного результата.

Вместе с тем запрет противоречивого поведения не должен препятствовать исправлению очевидной ошибки или учету вновь открывшихся обстоятельств. Суд обязан различать недобросовестное изменение позиции и ее добросовестное уточнение. Значение имеют момент получения новой информации, последовательность объяснений, степень влияния первоначального поведения на процессуальную стратегию другой стороны и возможность компенсировать возникший ущерб.

Процессуальный эстоппель имеет двойное назначение. В частноправовом измерении он защищает участника, который разумно полагался на ранее проявленную позицию оппонента. Такое доверие может выражаться в выборе доказательственной стратегии, отказе от заявления дополнительных ходатайств, согласии на рассмотрение дела в определенном порядке. Последовательность процессуального поведения выступает условием реального равноправия сторон, поскольку каждая из них формирует свою позицию, определяет круг доводов и доказательств с учётом заявлений и действий другой стороны.

Одновременно эстоппель служит публичным задачам судопроизводства. А.А. Даньков справедливо отмечает условность строгого разграничения частного и публичного интересов в сфере правосудия [13]. Судебное разбирательство начинается для защиты субъективного права, но

осуществляется в установленной государством процедуре, направленной на поддержание правопорядка. Н.Н. Лапа связывает публичный интерес с общественно значимыми потребностями, признанными и обеспеченными правом [14], а Л.В. Борисова подчеркивает его более широкий характер по сравнению с интересом государственного аппарата [15].

Для анализа эстоппеля нет необходимости превращать вопрос об интересе в самостоятельную общетеоретическую проблему. Достаточно установить, что нормальное функционирование правосудия обладает общественной ценностью. Р.Е. Гукасян рассматривал общественный интерес как предел допустимой защиты индивидуального притязания [16], а В.А. Рязановский подчеркивал заинтересованность государства в справедливом разрешении даже частноправового спора [17]. Эти идеи позволяют объяснить публично-правовое значение эстоппеля. Суд, обеспечивая равноправие сторон и надлежащее рассмотрение дела, не должен допускать извлечения процессуального преимущества из недобросовестного изменения ранее занятой позиции. В таком случае ограничивается не само процессуальное право, а возможность получить правовой эффект от его противоречивого осуществления.

Таким образом, частный и публичный аспекты эстоппеля не конкурируют, а дополняют друг друга. Защищая сторону от неблагоприятных последствий непоследовательного поведения процессуального оппонента, суд одновременно способствует своевременному рассмотрению дела, предсказуемости судопроизводства и укреплению доверия к правосудию. Именно совмещение этих функций отличает процессуальный эстоппель от обычного возражения участника гражданского судопроизводства и подтверждает его судебную природу.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что процессуальный эстоппель представляет собой судебный явление, направленное на нейтрализацию правовых последствий противоречивого и недобросовестного поведения. Его применение относится к компетенции суда, тогда как стороны вправе лишь ходатайствовать о его применении и представить обстоятельства, подтверждающие непоследовательность, противоречивость поведения оппонента.

Судебная практика демонстрирует функциональное применение эстоппеля при запоздалом представлении доказательств, предъявлении встречных исков на завершающей стадии, неоднократных необоснованных ходатайствах об отложении разбирательства дела и поздней ссылке на несоблюдение досудебного порядка. Общим последствием является отказ признавать за противоречивым поведением тот процессуальный эффект, на который рассчитывает недобросовестная сторона.

Эстоппель не является наказанием и не должен использоваться для формального ограничения права на судебную защиту. Его назначение состоит в восстановлении нарушенного процессуального равновесия и предотвращении извлечения преимущества из собственной непоследовательности. При соблюдении требований мотивированности и соразмерности данное явление способно обеспечить согласование частного интереса добросовестного участника гражданского судопроизводства с публичными задачами своевременного, справедливого и предсказуемого правосудия.

Литература

1. Фокина М.А. Добросовестность и ее процессуальная антитеза // Актуальные проблемы процессуального и правового положения субъектов гражданского, арбитражного и административного судопроизводства: сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 13 октября 2017 года / под ред. Л.В. Войтович, В.И. Кайнова. СПб.: Петрополис, 2018.
2. Данилов, Д. В. Характеристика добросовестного поведения лица в рамках гражданского судопроизводства / Д. В. Данилов // Арбитражный и гражданский процесс. – 2017. – № 5. – С. 8-12.
3. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г.А. Жилина. М.: ТК Велби, 2005. С. 19 (автор комментария — Г.А.Жилин).
4. Громошина Н.А. Дифференциация, унификация и упрощение в гражданском судопроизводстве: монография. М.: Проспект, 2010. С. 104
5. Юдин А. В. Широкое и узкое понимание категорий «Добросовестность» и «Злоупотребление правом» в гражданском судопроизводстве // Вестник Самарской гуманитарной академии. - 2014. №1 (15)-С.40
6. Карташов В.Н. Юридическая деятельность: проблемы теории и методологии: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 1990. С. 11.
7. Богомолов А.А. Процессуальные гарантии правильности и своевременности рассмотрения и разрешения гражданских дел :дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2004.
8. Жилин Г.А. Понятие целевых установок в гражданском судопроизводстве // Журнал российского права. 1998. № 6.
9. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 15.05.2024 № Ф04-1620/2024 по делу № А75-9399/2023; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 02.11.2023 № Ф04-6075/2023 по делу №N А70-18648/2022; Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 05.03.2024 по делу № А19-14720/2023.
10. Смольников Д.И. Запоздалое предъявление доказательств: между абсурдом и справедливостью // Закон.ру. 2014. 3 апр. URL: https://zakon.ru/discussion/2014/4/3/zapozdaloe_predyavlenie_dokazatelstv_mezhdu_absurdom_i_spravedlivostyu?ysclid=lhatm54ghi634098981 (дата обращения: 23 апреля 2023 г.).
11. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 26.11.2018 по делу № А52-4002/2017.
12. Коренченко Р. Е. Добросовестность в гражданском судопроизводстве : дис. … канд. юрид. наук. – Саратов, 2024. – 209 с.
13. Даньков А. А. Обеспечение баланса публичных и частных интересов в сфере правосудия : дис. … канд. юрид. наук. – Москва, 2014. – 238 с.
14. Лапа Н. Н. О защите публичного интереса в гражданском процессе // Сибирский юридический вестник. – 2007. – № 4 (39). – С. 88–92.
15. Борисова Л. В. О частных и публичных интересах в реализации принципов правового регулирования гражданских отношений / Л. В. Борисова // Вестник Московского государственного областного университета. – 2015. – № 2. – С. 69-75.
16. Гукасян Р. Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве / отв. ред. М. А. Викут. – Саратов : Приволжское книжное издательство, 1970. – с.21,105,115,116.
17. Рязановский В.А. Единство процесса (памяти А.А. Симолина) // Сборник трудов профессоров и преподавателей Иркутского государственного университета. Иркутск: ИрГУ, 1920.
18. Гурвич М.А. Основные черты гражданского процессуального правоотношения //Сов. государство и право. 1972. № 2. С. 31.

Procedural estoppel as a means of ensuring integrity in civil proceedings

Parfenova O.A.
Moscow State Law University
The article examines procedural estoppel as a judicial mechanism by which inconsistent and bad-faith conduct of a party to civil or commercial proceedings is deprived of legal effect. It is argued that the parties may raise the issue of estoppel, while the final assessment of their conduct and the determination of procedural consequences fall within the exclusive competence of the court. The paper reveals the connection between estoppel, the principle of good faith, the objectives of timely and correct adjudication, equality of arms and adversarial proceedings. Drawing on legal doctrine and judicial practice, the author analyses late submission of evidence, untimely counterclaims, repeated motions for adjournment and belated changes of procedural position. Estoppel is viewed not as a sanction for culpable conduct, but as a method of neutralising the legal effects of procedurally inconsistent behaviour. It is concluded that estoppel simultaneously protects the legitimate expectations of the bona fide party and serves the public purposes of justice.
Keywords: procedural estoppel, good faith, inconsistent conduct, civil procedure, commercial procedure, judicial discretion, adversarial principle, procedural economy, reasonable time.

References

1. Russian Federation. Laws. On the contract system in the sphere of procurement of goods, works, and services for meeting state and municipal needs: Federal Law of 05.04.2013 No. 44-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2013. - No. 14. - Art. 1652. - Text: direct.
2. Russian Federation. Laws. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses: Federal Law of 30.12.2001 No. 195-FZ (as amended on 28.12.2024 No. 500-FZ) // Collected Legislation of the Russian Federation. -2002. - No. 1 (Part 1). - Art. 1. - Text: direct.
3. Russian Federation. Laws. Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 23.04.2018 No. 99-FZ) // Collected Legislation of the Russian Federation. - 1996. - No. 25. - Article 2954. - Text : direct.
4. Russian Federation. Laws. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law of 23.4.2018 No. 99-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2018. - No. 18. - Article 2560. - Text : direct.
5. Russian Federation. Laws. On Amendments to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses: Federal Law of 28.12.2024 No. 500-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2024 - No. 1 (Part I). - Art. 15. - Text: direct.
6. Andreeva, L. V. Development of the System of Public-Law Liability in the Sphere of State and Municipal Procurement / L. V. Andreeva // Current Issues of Russian Law. - 2021. No. 4. - Pp. 45-53. - Text: direct.
7. Borkov, V. N. Qualification of Abuse of Official Powers in the Sphere of Public Procurement / V. N. Borkov // Legality. - 2023. - No. 5. - Pp. 36-40. - Text: direct.
8. Zorkin, V. D. Administrative prejudice in criminal law: constitutional and legal aspects / V. D. Zorkin // Journal of constitutional justice. - 2024. - No. 1. - Pp. 5-16. - Text: direct.
9. Lopashenko, N. A. Crimes in the economic sphere: author's commentary on the criminal law / N. A. Lopashenko. - Moscow: Wolters Kluwer, 2022. - 672 p. - Text: direct.
10. Rybakova, A. A. Administrative liability in the field of procurement: analysis of the 2024-2025 reform and qualification problems / A. A. Rybakova // Journal of entrepreneurial and corporate law. - 2025. - No. 2. - Pp. 28-34. - Text: direct.
11. Yani, P. S. Criminal Liability for Abuse in the Sphere of Procurement: Problems of Interpretation / P. S. Yani // Law. - 2020. - No. 2. - Pp. 112-123. - Text: direct.
12. Association of Lawyers of Russia. Review of Judicial Practice on the Qualification of Crimes Related to Payment for Unperformed Work under Government Contracts. - Moscow: AYuR, 2024. - 15 p. - Text: direct.
13. Report of the Federal Antimonopoly Service on the State of Competition in the Russian Federation for 2025. - Moscow: FAS Russia, 2026. - 210 p. - Text: direct.
14. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (article by article) / edited by V. M. Lebedev. - 15th edition, revised and enlarged. – Moscow: Norma, 2025. – 1024 p. – Text: direct.
15. Russian Federation. Acts of judicial authorities. On judicial practice in cases of abuse of office and exceeding official powers: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 16.10.2009 No. 19 (as amended on 24.12.2019) // Rossiyskaya Gazeta. – 2009. – October 30 – Text: direct.
16. Russian Federation. Acts of judicial authorities. On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and misappropriation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 30.11.2017 No. 48 (as amended on 29.06.2021) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2018. - No. 1. – Text: direct.
17. Russian Federation. Acts of judicial authorities. On the case of verifying the constitutionality of the provisions of Article 285 of the Criminal Code of the Russian Federation: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 12.01.2023 No. 2-P // Rossiyskaya Gazeta. – 2023. – January 25. – Text: direct.
18. Review of changes in legislation on public procurement and law enforcement practice for 2025. – Text: electronic // Electronic journal "Goszakaz in Questions and Answers". – 2026. – January 14. – URL: https://www.goszakaz.ru/ (date of access: 19.06.2026).
19. Russian Federation. Acts of judicial authorities. Verdict of the Tatarsky District Court of the Novosibirsk Region dated April 7, 2025, in Case No. 1-45/2025. – Electronic text // State Automated System of the Russian Federation "Justice": [website]. – URL: https://bsr.sudrf.ru/ (accessed on June 19, 2026).
20. Russian Federation. Acts of Judicial Authorities. Decision of the Arbitration Court of the Ivanovo Region dated September 18, 2025, in Case No. A17-5432/2025. – Electronic text // Arbitration Case File: [website]. – URL: https:// kad.arbitr.ru/ (accessed on June 19, 2026).